

Русский национальный
бестселлер

ЭЛЕОНОРА ТИХОНОВА

ЗОЛОТО КОЛЧАКА

Москва

Интернациональный Союз Писателей

2019

Элеонора Тихонова
Золото Колчака
Серия «Русский
национальный бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44782085

Золото Колчака: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-148-7

Аннотация

Роман «Золото Колчака» повествует в фантастическом ключе о событиях в далеком уральском городе Чёрмозе, трагически связанных с историей нашей страны. Главная тема романа – то золото земли русской, которое хранится в душах людских, освещает божественным светом суровую жизнь – это, конечно, **ЛЮБОВЬ**.

Содержание

Об авторе	5
1. Предыстория	6
2. Казань, 1918 год	15
3. Воспоминания Анатолия	23
4. Пермь, 1918 год	29
5. Казань, 1918 год (август—сентябрь)	35
6. Чёрмоз (осень—зима 1918 года)	45
7. Арест	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

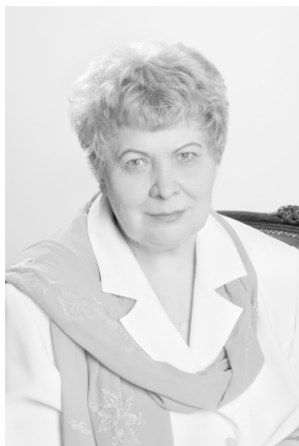
Элеонора Тихонова

Золото Колчака

© Элеонора Тихонова, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Об авторе

Родилась в 1943 году в городе Чёрмоз, на Урале. Окончила Уральский политехнический институт в г. Свердловске (ныне Екатеринбург). Работала экономистом и разработчиком автоматизированных систем управления на металлургическом комбинате в г. Липецке. Роман написала с использованием имеющихся документов, воспоминаний и фантазии.

1. Предыстория

В далёком уральском посёлке наступало раннее утро. Густой туман полз над Камой, принимая разнообразные очертания. На горе возвышался старинный собор Рождества Богородицы. Над его куполом, поблёскивающим позолоченным шаром и крестом, низко нависали облака. Казалось, что, растворяясь, они принимали облик самой Богородицы.

Эрик Робертович любовался этим великолепием, стоя на берегу, и не верил, что наконец-то добрался до этих заветных мест, о которых ему не раз рассказывал его прадед и посетить которые также мечтал его отец. Их рассказы воспринимались юным Эриком как захватывающая сказка.

Сказка начиналась, как все сказки, словами:

Давным-давно, во времена Петра I, когда по Уралу бродили разбойничьи шайки, состоявшие из беглых крестьян и каторжников, приехали в эти места посланники купца Григория Строганова, которому присваивалось право на владение этими землями. Впоследствии сын его, Николай Григорьевич, построил плотину и завод. Но чтобы построить завод в условиях бесконечных угроз разбоя, а также для укрепления веры в дела «птенцов Петровых», начали строить деревянный собор Рождества Богородицы – удивительной красоты и полный тайн. Одним из посвящённых в тайны строительства был пращур Эрика Робертовича Полякова, помощ-

ник итальянского архитектора отрок Казимир. Послушный и усердный подмастерье пользовался полным доверием итальянца Паоло Лабади.

Паоло поклонялся таланту архитектора Микеланджело, воплощённому в соборе Св. Петра, и пытался совместить его идеи с русским стилем. Собор получился небольшой по столичным меркам, но величественный: с центральным куполом и колоннами, с боковыми порталами и центральным портиком. Крепкие стены обеспечивали защиту всем укрывшимся в храме в случае налёта разбойников. Но всё это Паоло казалось недостаточным. Согласно практике строительства укреплений, кроме надёжных стен создавались и подземные ходы-лабиринты, выходившие далеко за пределы стен. Такое же строительство организовал архитектор под собором. Мастер фортификационного дела, Паоло Лабади знал секреты строительства подземных ходов: в его роду были архитекторы, некоторые из них даже участвовали в создании хранилищ и лабиринтов под Московским кремлём во времена Ивана Грозного. И тогда было смутное время, требующее особых ухищрений и осторожности. Приехав в Москву, Паоло проникся величием православных храмов, красотой богослужения и искренностью веры. Вскоре он и сам из католицизма перешёл в православие, которое считал отныне самой правильной верой, но главное, что привлекло архитектора в православии – это безграничное выражение веры в делах и в постройке храмов.

Так и начал творить на новом месте среди уральских просторов архитектор Паоло Лабади: спроектировал и возвёл собор с четырьмя главами, с колокольной, с просторной средней частью и вместительным притвором для привлечения страждущих; но главное – он построил лабиринты подземных ходов и хранилищ, основной вход в которые был организован под плитами перед амвоном. Крутой спуск завершался тоннелем с выходами на поверхность в районе сада, принадлежащего управляющему заводом, в ротонде, а ещё был выход в здании управления завода, и дальше тоннель шёл прямо к берегу реки Камы, которая привольно несла свои воды к Волге. (В XIX веке на месте деревянного храма по проекту крепостного архитектора М. Подьячева был построен каменный храм Рождества Пресвятой Богородицы – гордость и украшение г. Чёрмоза.)

Отрок Казимир запоминал и записывал всё, что доверял ему Лабади, словно знал, что не зря старается, ведь давно известно – раз строятся такие тоннели и тайники, то рано или поздно в них прячут сокровища, а тот, кто будет владеть этой тайной, в конце концов будет владеть и богатством.

Дедушка Казимира принадлежал к тайному братству колдунов и владел искусством языческих магов. Заметив смекалку и любознательность Казимирки, дед начал приобщать его к некоторым таинствам и, вопреки законам православия, научил ряду заклинаний. Зная, что внук интересуется архитектурой, он преподавал науку охраны и поисков раз-

личных кладов прошлых лет и умения предвидеть будущие захоронения сокровищ.

Возле поселения, где строился завод, пробегала небольшая речка, почти ручеёк. Бежала она по блестящим чёрным камешкам, которые играли на солнце разноцветными огоньками, так что казалось, что кто-то таинственный подмигивает, нащёптывает, утешает. И так сладко засыпалось на берегу этой речки, и такие загадочные сны снились уснувшему, что люди прозвали речку Чёрная Мозаика, а потом она стала зваться просто речка Чёрмоз. И посёлок возле речки тоже называли Чёрмоз. Он располагался на низком берегу Камы, отступив от самого побережья из-за затопляемых лугов, и, обогнув вновь построенный металлургический завод, взбирался на взгорье. Вся нижняя часть местности вокруг посёлка была занята болотами и торфяниками. По утрам летом всё видимое пространство заполнял густой рваный туман, а в тёмные осенние ночи над поверхностью болота вспыхивали фосфорные огоньки. Жители посёлка, хотя и с опаской, ходили на болото собирать чернику, клюкву, морошку, но лишь в сезон, а в другое время избегали этих мест как чёрт ладана, только наоборот – здесь-то, по мнению многих, и водилась нечистая сила.

Но любознательного Казимирку не могли остановить всеобщие страшилки, он вспоминал наставления деда. Владея амулетами и защитными заговорами, дедушка Казимира умел общаться с самой грозной языческой богиней Луны –

Гекатой, которая ещё звалась Матерью ведьм и Королевой призраков, и подавлял свой страх, который она вселяла во всех смертных.

– Отправляясь в путь по неизвестным тропам, внучек, – поучал дед, – всегда бери в дорогу с собой рябиновый посох, на худой конец хотя бы прутик. Рябина не зря зовётся Деревом Мира у северных народов, источником жизни и хранителем человечества. А сухая чёрная корочка пусть служит тебе охранным амулетом. И не верь предрассудку насчёт долек чеснока от вампиров – всё это чушь, и вампиры не те, что с клыками, а те, кто тихими словами да уговорами заставит тебя поступить против совести. Вот тогда-то тебя и сгрызёт твоя собственная совесть. Главное, не бойся, если духи ночи появятся перед тобой, ты даже в детстве умел их различать и не бояться. Помни, какое значение имеет вовремя сказанное слово. Слова могут служить заклинанием и ключом, отпирающим тайну.

Помнил Казимир наставления дедушки, занимаясь строительством, а в свободное время спускался к заболоченным лугам. Долго шло строительство храма и тоннеля под ним, вырослел отрок и умнел, всё более грозных духов ночи вызывал он из тьмы, и они возникали, формировались перед ним, страшные и пугающие. Но не робкого десятка стоял перед ними человек: заклинал духов загадками, чтобы подчинить себе и заставить служить в подземных кладовых.

Задолго до появления Казимира и Паоло Лабади на месте

строительства храма существовало древнее капище язычников-славян, проживающих в этих суровых местах и поклоняющихся божеству Велесу. Жрецы прославляли Велеса и Святовита, а те, в свою очередь, сулили жителям хорошую охоту и обильный урожай.

Сын Велеса Боян распевал сказания, услышанные от зверей и птиц, которые прилетали и прибежали из дальних невиданных стран и континентов. Прохладные ключи возле капища образовали озерца, перетекавшие одно в другое, и вода в них была такой прохладной и спокойной, что по берегам в кустарнике поневоле пряталась разная нечисть, иногда подшучивающая над проходившими мимо путниками. А Боян звал эту нечисть:

– Кикимора! Кикимора! Отзовись!

И отзывалась Кикимора из зарослей кустов:

– Я Кикимора! Я Кикимора!..

Звуки сливались, и над озерцами звучало: «Я ки-ка... Я кика... Яжинка...»; так и прозвали эти озерца – Яжинкой. Привольно было на их берегах устраивать стирку чистоплотным жёнам, плавать уткам и гусям, брать воду для домашних нужд.

Но короткое лето в этих северных краях. Быстро закончились короткие белые ночи вместе с празднованием Ивана Купалы, и вместе с осенними сумерками подступали к посёлку тени сумрачных духов. Только плотные ставни и заборы бревенчатых изб да огонь в русской печи могли отогнать

суровых потусторонних гостей.

И вот волею людей запылали под горой плавильные печи, заработали прокатчики и грузчики, кузнецы и сталевары разогнали из посёлка все тёмные силы. Застучали молоты, задымили печи, потекла трудовая жизнь – напряжённая, одухотворённая и отчаянная, всегда с надеждой на лучшие времена. Зимы были всё такие же длинные и холодные, но проходили быстрее за хлопотами, а летние месяцы – по-прежнему светлыми и тёплыми, урожаи – хорошими.

Как-то ранним утром сидел Казимир на берегу Якинки напротив главного купола собора и мастерил свирель из ивового прутика. Попробовал сыграть песню, а свирель сама собой как запоёт-запричитает! И полились странные, не похожие ни на что мелодии, и появилась из воды туманная сущность, и заговорила голосом человеческим:

– Пугано – не пугано,
Видано – не видано,
Ведано – не ведано.
Дитё человеческое, что ты желаешь?
Не пойдешь ли со мной в край иной?

Поперхнулся Казимирка, испугался, однако вовремя опомнился и говорит:

– Пойду с тобой, если ты отгадаешь мою загадку, а если нет, – будешь век мне и моим потомкам служить.
– Давай, – согласилась сущность.

Казимир загадал первую загадку:

– Отворю я хлевец, выпущу стадо белых овец...

Задумалась сущность, расползлась по Якинке сизым туманом, а Казимир уже вторую загадку загадывает:

– Лежит колода посреди болота, не гниёт, не сохнет.

Закашлялась сущность, зачавкала, ничего в ответ сказать не может, а у Казимира уже третья загадка припасена:

– Где вода столбом стоит?

Зашипела сущность, засморкалась, сгустилась и превратилась в невзрачного старичка-сморчка, домовой – не домовый, с соломенной головой, с сучками-руками, с перепончатыми ногами. Скок-поскок, подскакал к Казимиру, беличий колпак снял с соломенной головы, прищурился глазками, горящими как угольки, растянул в усмешке кривозубый рот и говорит:

– Твоя взяла, чудила, приказывай. Что желает душа твоя неуёмная?

– Желаю, – говорит Казимир, – чтобы не пропал мой род, принявший православие, чтобы не разрушился храм и не потускнело сияние веры в Христа, чтобы в лихие времена не пустовали тайные хранилища построенного тоннеля, чтобы эти сокровища хранили до лучших времён все тайные силы, подвластные тебе, чудище болотное, и допустили бы до них потомков моих, пришедших с чистым сердцем и с благими намерениями.

– Да будет так! – ответил старичок и растворился в возду-

хе, словно его и не было.

Протёр Казимир глаза, оглянулся – нет никого, сидит он один, а недоделанная дудочка качается на волнах. Солнышко поднимается из-за горизонта, разворачивая свои сверкающие лучи на просыпающийся мир, звучащий звоном порхающих стрекоз, кваканьем лягушек, стрекотом кузнечиков и щебетом неприметных северных птиц.

Задумался Казимир над давними поучениями деда. Мудрый дедушка говорил, что весь видимый и невидимый мир подчинён одной Великой Богине, независимой от вероисповедания. Имя этой богини – Математика. Весь мир состоит из правильных и неправильных пропорций и соотношений. В архитектуре – это золотое сечение, в человеческом обществе – это «число человеческое» из Библии. Да, число 666 – это «число зверя», но не нужно его бояться, так как «зверь» подразумевает животное существо человека, составляющее две третьих от целого, а одна треть – духовная, божественная – является связующим звеном с тонким миром. А в тонком мире действуют как добрые, так и злые силы. Стремись к добрым силам и не бойся злых, храбрый дух способен перебороть многое. Аминь.

А какой же должна быть эта сила? Да и что такое она собой представляет? И думал Казимир, что сила эта есть вера в Бога, и чем чище и искреннее вера, тем и прочнее одна треть духа, и с помощью Бога она может и врагов одолеть, и храмы построить.

2. Казань, 1918 год

Приземистое серое здание казначейства в Казани, с колоннами и крутой лестницей, было срочно построено по указанию императора Николая II в начале Первой мировой войны как самое современное по тем меркам хранилище – для переправки туда большей части государственной казны.

Семь эшелонов с царскими драгоценностями срочно отправлялись в Казань, а за перевозку отвечал тридцатипятилетний Илари́й Власович Бельский, старший контролёр Московской конторы госбанка. За честную службу в 1914 году он был переведён в чин коллежского советника, а ещё ранее, в 1910 году, получил орден Святого Станислава III степени, в 1916 году – орден Святой Анны и медаль в честь 300-летия правления Романовых.

Банковский работник исключительной честности и преданности императору, Илари́й Власович Бельский был потомком колдунов и, как далёкий отрок Казимир, умел при случае поколдовать и подчинить себе на пользу различные тёмные силы.

Илари́й Власович очень гордился своей службой и своей честностью, и его честность была оценена новой властью в 1917 году, в результате чего он продолжил служить в финансовой сфере нового государства. Но всё это произошло не сразу, а пока в Казань свозились и свозились ценности

со всей России – сначала под эгидой царского финансового ведомства, а после октября 1917-го – под присмотром чрезвычайки. И каждую отправку наблюдал, оформлял и сопровождал Илари́й Власович Бельский. Сила его преданности и верности своему поприщу (сохранению ценностей – в золотых монетах, в драгоценностях, в слитках золота и платины) была такова, что приобретала вербальный магнетизм его желаниям сберечь всё это – для императора ли, для вновь образованного комиссариата, для тайного ли общества Союза защиты Родины и Свободы во главе с Борисом Савинковым, – лишь бы золотой запас остался в России.

А золотой запас уплывал за границу: в Германию в виде контрибуции, в Англию за вооружение для Белой Гвардии, в Японию и ещё многим зарубежным банкам. Золото надо было спасать хотя бы для так называемого Всероссийского временного правительства, обосновавшегося в Омске, и для его «диктатора» – Колчака.

Из рассказов родственников и семейных преданий Илари́й Власович знал, что где-то на Урале его дальний предок строил завод и храм, а под храмом и поселением был прорыт тоннель со множеством тайников. Когда поехал Илари́й сам в качестве сопровождающего с одним из эшелонов в Казань, то при разгрузке и перевозке на грузовиках ящиков с золотыми монетами одна из машин направилась к пристани, а затем дальше на север по реке Каме. Сопровождал ящики левый эсер Анатолий Поляков, хорошо знающий эти места.

Происходили описываемые события в начале июня 1918 года, когда ещё неясно было, чем закончится противостояние старых и новых сил власти.

Вот и вспомнилось Иларию Власовичу старинное заклинание предка, что водился с тёмными силами. Да и сам он верил в духов и нечистую силу. Ну а в просвещённый и атеистический XX век стыдно было Иларию Власовичу вспоминать и верить в разные сказки, да как-то само собой получилось, что начал он припевать-приговаривать над банковскими документами отправляемого золота:

– Пугано – не пугано,
 видано – не видано,
 встречено – не встречено.
Силы земные и небесные, духи добрые и злые,
Сохраните сокровища до лучших времён.

Но не верил Иларий, что его слова приобретут реальную силу, что найдутся реальные люди – добрые и не очень, алчные и бескорыстные, – что, сами того не ведая, будут выполнять высказанную им волю. Закрутятся колёса железнодорожных составов, поплывут по водной глади пароходы и баркасы, повезут ценный груз подводы – всё по назначению, но какая-то часть «потеряется» в пути и заляжет долго не востребованным кладом. На суше, как на море, образуется невидимый островок с залежью несметного богатства для будущих нужд.

Когда ещё наступит такая минута для земли русской – не знает ни сам Илари́й Власович, ни силы, что ему помогут. Но время обязательно придёт, и откроются сокровища людям, только сердце у нашедшего должно быть чистое, чтобы не действовали тёмные заклатья, а помыслы должны быть благородными, чтобы послужить общему благу, а не для обогащения одних в ущерб другим по высшим законам мироздания.

Низкие серовато-жемчужные тучи медленно ползли над городом. Надвигались ранние сумерки, и дальняя канонада казалась затихающим громом уходящего короткого лета. Заканчивался беспокойный август 1918 года. Казань являлась и для белых и для красных местом притяжения благодаря своему стратегическому значению, кроме того, всех манило царское золото. Анатолий Поляков поддерживал революцию на стороне левых эсеров и сейчас был приближённым командующего Восточным фронтом красных и был назначен эвакуировать 200 ящиков золотых слитков из беспокойной Казани.

Но главное своё назначение Анатолий видел в сохранении золота в заранее созданных тайниках. Подёргивая иссиня-чёрные усы на бледном лице, Анатолий вспоминал заповедные места своего детства и юности, когда гостил у своего дяди, управляющего заводом в Чёрмо́зе. Вспоминал, как плыли по Каме баркасы и пароходы и выгружали на берег привезённые материалы для завода и различные хозяйствен-

ные запасы, а обратно отправлялись гружённые листами железа, изготовленного на заводе. С особой теплотой вспоминал Анатолий этот небольшой город Предуралья, построенный среди болот и лесов, с возвышающимся храмом на горе, добротное здание государственного банка (уже, пожалуй, и национализированного) с вместительным хранилищем, но главное, вспомнился Полякову подземный тоннель, связывающий в едином лабиринте банк, храм и берег реки Камы. Ещё в начале июля он вместе с казначеем Иларием озаботился сохранностью части царских запасов от разорения и расхищения всевозможным сбродом, выплывшим на просторы Отечества вместе с революцией. Вот там-то они и спрячут часть ящиков, нужно только не привлекая внимания довести их до Чёрмоза.

В дверь постучали, и адъютант проводил к Полякову группу из семи человек. Преданные солдаты были готовы выполнить любое поручение командира. Возглавлял небольшой отряд давний друг Анатолия Степан Павленин, представитель купеческого рода города Чёрмоза, проводивший с Анатолием когда-то все летние каникулы. Весёлое тогда было время: молодая кровь бурлила неужённым ключом, заставляла забираться во все доступные и недоступные уголки заповедного тоннеля, благо, что один из наземных выходов сооружения был в ротонде, которая с давних времён стояла в саду управляющего. Много было в лабиринте изучено и проверено ходов и тайников любознательными подростками, за-

лезали в такие места, к которым из-за завалов не мог подступиться ни один взрослый. Рыли-то эти ходы ещё на заре XVIII века, кое-где сами уже укрепляли и маскировали – чудо, что никого из них не завалило и не погубило. И вот сейчас настало время воспользоваться древними тайнами и собственными знаниями.

– Степан, – подозвал приятеля к столу поближе для посвящения в свою тайную задумку Анатолий, – забирай 200 ящиков с «грузом», но 100 ящиков погрузишь на подводу, а 100 ящиков отправишь на пароход и с личным сопровождением отвезёшь в то место, где мы проводили лучшее время, там, где любовь. Спрячешь! Всё, время не ждёт, ступай!

– Понятно, – Степан как никто другой ориентировался в произнесённых Анатолием словах.

Напоминание о любви всколыхнуло всю радость и боль, когда-то испытанную Анатолием у заветной ротонды в городском парке: там у Анатолия проходили свидания с любимой девушкой под наблюдением друга Степана. Где она сейчас, красивая девушка Лена с русой косой и серыми, чуть удивлёнными всегда глазами? Куда вынесла её революция? Что сейчас делает эта девушка, сидя одна у подножия ротонды? Но не время было предаваться лирическим отступлениям. Смахнув с высокого лба узкой холёной рукой сбившиеся волосы, Анатолий резко поднялся и отправился на пристань – помочь Степану в осуществлении задуманного плана.

Вспомнившаяся Анатолию девушка была сиротой и вос-

питывалась своим дедом — известным на всю округу знахарем. Многие поговаривали, что дед Игнат был сильным знахарем и колдуном, что вызывал бестелесных духов как злых, так и добрых, но даром своим предпочитал не пользоваться. Не закладывал дед душу дьяволу ради силы колдовской, не пользовался своим природным даром во зло людям, как обязательно должны были делать истинные колдуны. Если и призывал тёмные силы, то лишь для добрых дел вопреки желанию их и произнося защитные заклęcia. Жил он скромно на берегу Камы, занимался рыбной ловлей и кузнечным делом, а внучку свою любил безгранично и воспитывал в духе времени: определил в губернскую гимназию, но баловал её в летние приезды подарками и лакомствами. Леночка росла настоящей красавицей, и характером добрая, покладистая, независтливая. Многие хлопцы засматривались на неё, но полюбила она кареглазого Анатолия. Приезжий кавалер оттеснил всех местных парней, но противостоять ему опасались, ведь был он племянником управляющего, а от управляющего заводом зависела вся жизнь в посёлке больше, чем от жандармов.

По приказу Полякова потянулись подводы с неприметными ящиками в сторону Камы, чтобы погрузить 100 ящиков на пароход, идущий в Самару, а 100 ящиков как бы по ошибке погрузили на пассажирский пароход «Василий Каменский», названный так в честь владельца завода после графа Строганова в Чёрмозе. Пароход этот курсировал по Каме,

доставляя сырьё и оборудование заводам, возведённым по побережью реки, и забирая готовую продукцию, а также перевозя пассажиров в благоустроенных каютах первого класса.

Анатолий знал расположение трюмов, а на знакомом пароходе легче было спрятать тайный груз среди ящиков с углём и мешками с продуктами. А ещё Анатолию был памятен этот пароход не такими уж далёкими событиями.

3. Воспоминания Анатолия

Размеренно перебирал лопастями великолепный белый пароход «Василий Каменский», продвигаясь вверх по Каме, наступал тихий летний вечер, какие нечасто выпадают в этих краях, оттого и щемило сердце, потому и казались эти мгновения милыми и неповторимыми. Анатолий с отцом направлялся в гости к дяде, родному брату отца и управляющему железодельным заводом в уральском городке Чёрмозе. Анатолий в свои семнадцать лет был на удивление рослым и красивым черноволосым и кареглазым юношей. Его проникновенные глаза с длинными густыми ресницами с лёгким любопытством смотрели вокруг на проплывающие таёжные берега, на медленно убегающие вдаль желтоватые волны, на белые барашки, выплескивающиеся из-под огромных колёс. Всё в воздухе и природе было наполнено тихой романтикой, в отличие от шумного, суевого Петрограда, где уже зарождалась и поднималась великая вражда и борьба за справедливость, представления о которой были у всех разными, противоречивыми и бесконечно удалёнными.

А тут всё дышало чистотой и покоем, хотя и здесь, на Урале, вступала в силу надвигающаяся революция. Под навесом на верхней палубе чинно прогуливались нарядные пассажиры первого класса, из приспущенных окон салона лились звуки рояля, два подростка, о чём-то отчаянно споря, про-

шли мимо Анатолия – юноша и девушка. Это были Елена и Степан, которые возвращались из пермской гимназии домой и собирались вместе провести лето. Ветер развеивал волнистые волосы девушки, лучи солнца ласкали лицо, маленькие ступни несли упругое молодое стройное тело вдоль деревянных поручней. Не заметить Леночку было невозможно. Заметил, и защемило сердце питерского гостя: только для него должен был цвести этот северный цветок, никому он её не отдаст, и с этой минуты все силы Анатолий приложит, чтобы и Она его заметила. Леночка же встряхнула изящной головкой и отвернулась, скрывая лёгкий румянец, лёгший на её щёки. А глаза улыбались, радовались встрече и преддверию любви, как бывает с невинными девушками. Неужели Он?.. Такой уже взрослый, такой красивый! Не может быть, чтобы он обратил на неё внимание, влюбился бы без памяти в провинциалку. А рядом, как назло, Степан, и ещё сопровождает её родственница. Матери у Лены не было давно, воспитывал её дедушка, известный в городке знахарь. Степан и Лена росли вместе как брат и сестра, не замечая, что к ним подбирается взрослая непростая жизнь.

Пароход продвигался вверх по реке, колеса-шлёпанцы набирали обороты, и Анатолий не мог отвести глаз от девушки – русской красавицы, ещё не осознающей свою красоту. За детскими лукавыми ресницами, чуть вздёрнутым носиком и припухлой верхней губкой над ровными жемчужными зубками скрывались коварные ловушки для сильной по-

ловины человечества. Но пока скромное платье гимназистки да длинная русая коса подчёркивали её невинную одухотворенность.

На тесной палубе Анатолию легко было пойти навстречу и столкнуться с прогуливающейся парочкой:

– Ой! Прошу прощения, – воскликнул он, чуть поклонившись, и, не ожидая возражений, тут же представился, – Анатолий.

– Лена.

– Степан, – парочке ничего не оставалось, как назвать в ответ свои имена. Знакомство состоялось, и дальше прогулку совершали уже втроём. Леночка звонко смеялась над столичными шутками Анатолия, Степан приосанивался, обращаясь к новому знакомому, но все были довольны, что удаётся скоротать время путешествия, кроме того, выяснилось, что все они плывут к одной и той же пристани.

По-разному к людям приходит настоящая любовь, а к Анатолию она пришла в то незабываемое мгновение, когда тонкая трепетная ладошка Леночки в шутку взъерошила белокурые кудри Степана в ответ на братское поддразнивание из-за распушившейся косы. И так захотелось Анатолию, чтобы эта ручка легла на его черноволосую голову, что его глаза заметно увлажнились, и он отвернулся и стал смотреть на растворяющийся след парохода. Вслед пароходу летели чайки, время от времени ныряя в желтые воды. А ещё проскочила невидимая искра:

Можно плакать, а можно смеяться,
Но судьбу уже не отвести...
Ну и что, что ещё не двадцать,
Ну и что, что в начале пути.
Всё свилось в неразрывный узел,
Всё запуталось и срослось,
И другой уж судьбы не будет,
И не будет им жизни врозь.

Медленно подходил к пристани пароход, встречающие толпились у трапа, стараясь не пропустить приехавших и помочь с багажом. Стоял у перил пристани и дедушка Лены – коренастый, не старый ещё мужчина, и зорко смотрел на внучку.

А Лена, стоя рядом с Анатолием, светилась счастьем и молодостью, и не было в ней уже угловатости того подростка, каким уезжала в гимназию. Защемило сердце у знахаря: вспомнилась ему старинная присказка, так как светлая головка Леночки и иссиня-чёрные пряди её спутника представились ему двумя лебедями – белым и чёрным. И зазвучали в мыслях слова:

Лебедь белый, лебедь чёрный —
Нерушимая семья.
Разрываются оковы, разливаются моря,
Звёзды, с неба осыпаясь,
Ловят на лету мечту —

Вместе быть не разлучаясь,
Как снежинки на ветру.

Но кто же он, этот чернявый хлопец? Тут как раз выдвинулся вперёд управляющий и замахал рукой брату и племяннику.

– Ой, не к добру, видать, эта встреча с франтоватым столичным гостем, – подумал дедушка.

Анатолий среди всей причальной суеты стоял рядом с Леной и Степаном у поручней верхней палубы и наблюдал за встречающими; кожей почувствовал он колющий неприязненный взгляд знахаря. Почувствовала недовольство дедушки и Леночка и невольно испугалась его гнева, направленного на уже дорогого ей человека. Анатолий, стараясь успокоить любимую, медленно накрыл ладонью руку девушки, лежащую на поручне, и прошептал:

– Я увижу тебя завтра? Где я найду тебя?

– Я приду сама в сад к ротонде, – чуть слышно прошептала Леночка.

– Когда?

– Днём в двенадцать часов, только со Стёпой, без него меня дедушка не отпустит.

– Я буду ждать, – прошептал Анатолий, тайно замирая от счастья и стараясь сохранять непринуждённый вид.

И расстались на день, на ночь, а казалось – на вечность, навсегда. И это уже была не просто влюблённость, а пронза-

ющее, как боль, взаимное чувство и одновременно тревожное предчувствие. Потом были радостные встречи в саду у ротонды, внутри которой находился только им известный лаз в подземный тоннель с лабиринтами и тайниками, переходами и различными выходами на поверхность. Эти тайники и имел в виду Анатолий, направляя груз со Степаном вверх по Каме.

Но расставание было неизбежно, так как Анатолий вынужден был уехать обратно, а Леночка осталась ждать и мечтать о любимом. Она много читала и посещала политические кружки. Работала она секретарём-машинисткой в заводоуправлении. Девушка даже не думала, что судьба готовит ей быструю встречу с любимым, чтобы больше не разлучать, а связать навеки надвигающимися событиями: то золото, тот клад, который пройдёт не только по Каме, а по судьбам людей, наложив проклятие на многие поколения.

4. Пермь, 1918 год

Выпускник кадетского корпуса Василий Безукладников, уроженец города Чёрмоза, верой и правдой служил царю и Отечеству до поры до времени, да бурная жизнь молодёжи в Петербурге незаметно втянула его сначала в сочувствующие революционерам, а потом и в ярые их сторонники. Но продолжая служить в армии и после Брест-Литовского мира 3 марта 1918 года, по распоряжению большевиков вместе с Генеральным штабом он передислоцировался с русско-германского фронта в Поволжский военный округ с центром в Самаре, где собиралась Добровольческая армия, в будущем подчинённая Колчаку. Продолжая свою военную службу, Василий планировал переход в ряды Красной армии. Полк, в котором служил Безукладников, выдвинулся к Казани, чтобы захватить направляемые для оплаты контрибуции вагоны и пароходы с золотом. Будучи доверенным лицом командира, Василий проник в тайный замысел задания, а именно: вывезти из хранилища в Казани царское золото вниз по Волге, пока большевики не захватили город. Это был подходящий момент явиться к красным с секретным донесением и помочь организовать перезахват золота.

Так Василий остался у красных, и они спланировали не препятствовать продвижению подвод и баркасов, а направить их вверх по Каме, охраняя от случайных грабителей.

Род Безукладниковых когда-то был очень состоятельный, но отец Василия, по легкомыслию и вольности, разорил всё до него нажитое, так что в революцию Василию терять было нечего, а до чужого богатства у него не было ни зависти, ни корысти. Всегда хватало ему его жалования, и даже не от сознательности, а от равнодушия не стремился он урвать от общего разора что-то лично для себя.

В Пермском штабе армии большевиков комиссар Семён Полуектов рассказывал товарищам, как он неожиданно для себя стал большевиком.

– Бывают же, братцы, такие события, которые определяют всю дальнейшую жизнь. Работал я тогда в кузнечном цехе подсобным рабочим на чёрмозском железоделательном заводе. Многие тогда в цехах организовывались в просветительские кружки и читали запрещённую литературу; вся Россия тогда волновалась накануне 1905 года. Мне было всего четырнадцать лет, и по малолетству я нигде тогда не участвовал. Но как-то ноябрьским утром вся бригада, гулявшая накануне на свадьбе нашего товарища, вышла на работу в глубоком похмелье. В головах гудело так, что вся наша смена работать просто не могла. Работа тяжёлая, опасная, а тут после выпитой накануне браги все просто бесцельно шатались по цеху. А по цехам молодёжь, называющая себя «сознательной» и читающая брошюры, давно готовилась к забастовке, составляла вместе со старшими товарищами воззвание.

Прибежал к нам смотритель:

– Опять все пьяные, работать не можете!.. Что мне с вами делать? Мне же сейчас попадёт от управляющего. Ох!

И вдруг его осенило, как чёрт подтолкнул под рёбра:

– А, всё равно вы не работаете, так хоть объявляйте забастовку, ребята на заводе давно уже собирались, у них и требования написаны всякие.

Послушались и пошли сразу по цехам да запустили тревожный свисток, который и обозначил начало заводской забастовки для населения Чёрмоза. Некоторые рабочие приходили из города и пополняли образовавшуюся уже толпу. Все двинулись к дому управляющего, выкрикивая, что нам надо с ним переговорить о наших нуждах и об улучшении нашего быта.

От рабочих ещё раньше были выбраны уполномоченные, которые составили и подали управляющему письменные требования.

И ночь на 23 ноября свела рабочих лицом к лицу с управляющим на парадном крыльце господского дома, где и завязались горячие переговоры. Но управляющий был горд и неразговорчив, повернулся к народу спиной и из-за спины показал кукиш. Народ возмутился, сгрёб его и с руганью и бранью поволокли на пруд к проруби.

Не надо сомнений,
Не надо тревог —
Нас в эту смуту
Сам чёрт поволок.

Не знаю уж, что на всех нас нашло, но по дороге с управляющего стянули пальто и надели на него старый зипун, на ноги – лапти, напоили кислым вином, а на закуску одна нищенка сунула ему в рот сухую ватрушку со словами:

– Поешь, чего мы едим.

Привели к проруби, и тут многие испугались, а другие раззадорились настолько, что готовы были управляющего топить.

Перепугался и сам виновник невзгод и бед рабочих и согласился всё подписать. Тогда опять обратным ходом повели его по направлению к волостному управлению подписывать бумаги.

Вот тут-то я и почувствовал вкус к общей борьбе, к братству рабочих, способному добиться многого при сплочённости и целеустремлённости. Хотя тогда выгоды от всего было немного. Всех активистов потом похватали и увезли в Соликамск судить. Пришлось многим старшим товарищам пострадать, а я плотно присоединился к революционному движению.

Тут в дверь комиссариата заглянул солдат:

– Товарищ комиссар, к вам просится барин.

– Пусть войдёт.

Безукладников вошёл небрежно, несмотря на риск всей операции – ему, потомственному буржуа, войти в логово пролетариата, ведь не раз он слышал истории о расправах с

такими, как он. Но природная храбрость и удаль брали вверх над естественной осторожностью.

– Комиссар, я к вам с предложением... – и не договорил, округлив глаза: за столом сидел его верный адъютант. Они оба были призваны в армию в 1914 году и служили на Западном фронте, но революция развела их по разным сторонам идеологии, а теперь и по разным сторонам иерархии. Теперь Семён начальник, а Василий был в полной его власти.

Семён был характера доброго, не держал зла на своего давнего командира, не стремился поглумиться над ним, как это сделали бы другие адъютанты, затаившие злобу на своих жестоких начальников. Поднявшись из-за стола, он пожал руку вошедшему знакомцу.

– Очень рад, что и вы с нами, командир.

– Теперь ты командир, но я с предложением: надо организовать переправку особого «груза» из Казани. Восставшие против большевиков «демократические контрреволюционеры» с мощной речной флотилией захватили Самару, Симбирск и подходили к Казани. Большевикам необходимо спастись «золотой запас», не дожидаясь подхода Красной армии.

– А как ты собираешься «груз» направить не по намеченному отрядом Каппеля, захватившим Казань, направлению вниз по Волге до Самары?

– У меня есть «свой» экипаж на одном из судов, и после погрузки они пойдут не вниз по Волге, а вверх по Каме.

– Годится, но в отряде об операции никто не должен знать.

Оба были довольны достигнутой договорённостью и без промедления с небольшим отрядом выдвинулись в Казань.

5. Казань, 1918 год (август—сентябрь)

Из Москвы в Казань поступали эшелоны с золотом, которые перевозились под присмотром охраны и в сопровождении контролёров с документами, в город также поступали простые мазутные бочки, сразу свозившиеся на пристань для отправки пароходами и баржами в дальний строгановский завод. Следил и руководил отправкой молодой инженер Степан Павленин, выходец из тех же дальних мест, выучившийся на инженера в Петрограде, приобщившийся к революционерам и пропитавшийся новой идеологией.

Бочки катились по трапу, подталкиваемые грузчиками, крепкие, просмолённые, с непонятными знаками, похожими на иероглифы. Но грузчикам было все равно, что грузить и куда. Платили им всей бригаде сдельно, сразу после погрузки. Не знали они и не предчувствовали никакой беды и никакого подвоха от привычной погрузки. А между тем тёмная история жизни и смерти уже начала раскручиваться над ними. Уже где-то прозвучал печальный звон отъезжающей колесницы судьбы не только над каждым из них, но и над всей страной на многие десятилетия, а, может быть, и на столетия.

Степан приложил немало усилий, чтобы это довольно щекотливое поручение досталось ему. Для этого ему пришлось

даже вспомнить и использовать не совсем честные приёмы, вернее, задействовать напрямую некие «таинственные силы». Сам он, как истинный современный нигилист, не верил ни в какие нематериальные силы – такая уж волна шла среди молодёжи начала XX века. Но его мама... Ах, мама, мама... Как она оберегала его от тёмных, как она считала, сил, как внушала во всём быть осторожным, так как, хочет он этого или нет, а является представителем древнего рода ведунов, и в нём наследственно заложена дремлющая сила, опасная для него же при неправильном применении. И постепенно, незаметно учила его мама приёмам для разных случаев, а также собрала ему в дорогу узелок с травами в помощь вдали от дома.

Вот игодились сейчас эти травки. Ох, как он был зол когда-то на мать и на этот узелок, просто чудо, что он его не выбросил сразу, отправляясь в Петербург на учёбу в начале 1914 года. Эти травки, вернее одну из них, так называемую «траву забвения», всю осень накануне отъезда его мать заваривала и подсыпала ему в еду и питьё; и все для того, чтобы он забылся и забыл свою внезапно вспыхнувшую любовь к простой девушке Шурочке, несмышлёному почти ребёнку, озорной и весёлой пятнадцатилетней сиротке. Едва заглянув в её глубокие карие глаза, услышав её необыкновенный звонкий голос на общих посиделках, куда он заглянул совсем случайно, уже не мог Степан забыть Шурочку и перестать мечтать о ней.

В нижней части посёлка одна вдова сдавала просторную горницу для вечерних посиделок молодёжи – получалось что-то вроде клуба. В начале вечера собирались девушки, прихватив с собой нехитрое рукоделие, – в основном вязание крючком (потому что места занимает мало), но иногда приносили рубашку и обмётывали петельки. Однако обмётывать петельки аккуратно при шумном сборище было трудно, и получалось – как смеялись подружки, – словно у кошки глазки болят (однако это не относилось к Шурочке – у неё как раз из-под маленьких, почти детских ручек всё выходило особенно красиво и изящно). Но в основном время проходило весело за песнями и разными рассказами.

Позднее независимыми группами вваливались парни с самодовольными улыбками, скрывающими явное смущение перед будущими невестами. Это по сути и были повторяющиеся еженедельно неформальные смотрины невест скромного рабочего посёлка, где молодые люди знакомились, присматривались, выбирали друг друга без участия свах, обоюдно и без принуждения после сватались, как положено, и создавали семьи. Всё было просто и красиво. В положенное время появлялся гармонист или балалаечник, а то и оба сразу, и начинались танцы.

Шурочка Нестерова совсем юной вошла в круг девичника благодаря своему необыкновенному умению очень красиво и быстро вязать сложнейшие узоры подзоров и скатёрок, а также благодаря своему тонкому слуху и звонкому го-

лосу, который мог моментально подхватить и вести любую из известных песен. Небольшого роста, смуглая, с пышными русыми волосами, она была необыкновенно хороша бьющей через край неутомимой энергией, которую изливала на окружающих, заряжая их такими искрами юмора и озорства, что ей невозможно было не восхищаться, даже страшно завидуя её притягательности и простоте.

Степан с приятелями зашёл на посиделки случайно и увидел это чудо – Шурочку, её маленькие ножки, одетые в высокие ботиночки со шнурками, так ловко отплясывающие чечётку и выделяющие немыслимые повороты в незамысловатом танце. Партнёром Шурочки был паренёк очень на неё похожий – это был её старший брат Павел, но, в отличие от неукротимого задора сестры, его взор хранил необыкновенную серьёзность и сосредоточенность при всеобщем веселье.

Брат и сестра Нестеровы, несмотря на родство, были совершенно разными людьми и по характеру, и по мировоззрению, хотя сами они ещё этого не понимали и дружили и любили друг друга искренней братской любовью. Сама их фамилия – Нестеровы – несла в себе смысловую нагрузку: по такому принципу раньше на Руси давали определения – прозвища, которые после превратились в фамилии. Смысл фамилии Нестеровы просматривался: «не стереть», не исчезнуть с лица земли, не уйти в небытие. А как это произойдёт, неизвестно было ни сестре, ни брату. Может быть, это затрагивает не физическое исчезновение – каждый смертный на

этом свете, — а постоянное присутствие нетленного духа в помощь творящим добрые дела.

А пока играла гармонь и кружились пары, и Степан следил, не отрываясь, за Шурочкой, которая тоже сразу же заметила статного паренька с непокорными вихрами.

Возглавлял вошедшую группу парней сосед Шурочки — Миша Дёмин — красивый, высокий, статный, голубые выразительные глаза со страстью даже не смотрят, а взирают на окружающих вопросительно и призывно; тёмные изящные брови взлетают, как крылья взволнованной птицы, кожа на скулах отливает белизной, как у самой изысканной барышни.

Взгляды всех без исключения девушек мечтательно устремились на вошедшего во главе группы Михаила, но Шурочка была совсем равнодушна к соседу, ведь она знает его с самого рожденья, как и своих братьев, и ничем его не выделяет.

А Михаил, чувствуя свою неотразимую мужскую привлекательность, с лёгким юморком отпускника-гусара поглядывал на девчат и, проходя мимо, мог позволить себе шепнуть лукавое словцо на ушко зардевшейся девушке или притронуться к локотку. Но танцевать он не любил, потому что не умел, а делать то, что не получается лучше других, ему не позволяла гордость.

Протолкнувшись среди танцующих, Михаил подошёл к Павлу, небрежно поздоровавшись с его сестрой, таинственно отозвал в сторонку.

— Сегодня собираемся у портного, — сказал он Павлу

условную фразу, которой договаривались об очередном сборе политического кружка.

А Степан тем временем подошёл к Шурочке и пригласил её на очередной танец. С этого танца и началась у них необыкновенная любовь.

Каждый раз, прибегая на посиделки, Шурочка в первую очередь смотрела на висящие в прихожей шубейки и тулупчики – не мелькнёт ли среди них пальто Степана; и сразу теплело на душе у девушки.

А как задорно они танцевали! Иногда Шурочка шутки ради исполняла фигуры за кавалера, и вся радость, вся искренность юности выражалась в их отношениях. И какая уж там «травма забвения» – травма не помогает там, где чувства настоящие. Вот и Степан до сих пор не забыл свою Шурочку, ждал встречи с ней, стремился в дальний уральский городок.

Но в задуманном им деле эти «травмы» должны были помочь. Заварил он «траву забвения», настоял на ней бражку, да и напоил грузчиков после окончания работы, и припас для будущих исполнителей, чтобы никто ничего не запомнил, что грузили и куда везли.

По пути в Чёрмоз на пароходе бочки и ящики сопровождали Степан и Анатолий с доверенными людьми. Приплывший груз был выгружен на берегу Камы, после чего Степан и Анатолий приняли меры по доставке груза с помощью подвод к заводской платформе, от которой с помощью вагонеток он доставлялся в тоннель.

В это время город заметно опустел, так как летом более трёхсот добровольцев записались в Красную армию и ушли на фронт воевать с белочехами, наступавшими в Поволжье. Оставшееся трудоспособное население придерживалось в основном левоэсерских настроений.

Давний друг Степана Миша Дёмин ушёл с ополчением в Красную армию, а Шурочка с нетерпением ждала встречи с любимым. Время для неё бежало быстро; подрастал младший братишка Ванечка, а старший брат Павел записался в Красную армию и тоже ушёл на фронт. Степан и не надеялся застать на месте верных друзей Павла и Михаила, но несмотря на это, нужно было организовывать размещение бесценного груза с соблюдением всех мер предосторожности и тайны. Но тут свершилось чудо – он увидел давнего знакомого Василия Безукладникова с его адъютантом Семёном Полуектовым, который давно уже бредил революцией и был у красных командиром. Кому как не им можно было доверить планы по претворению задуманного!

Степан Павленин был из купеческого рода, вся его семья занималась издавна торговлей и имела в городе свои склады и лавки. Так от родных Степан узнал, что рядом с их складом имеется заводской продовольственный склад, полностью заполненный спиртными напитками. Степан и товарищи решили заставить заводское управление открыть эти склады и начать продажу спиртного, чтобы предотвратить нежелательные волнения на заводе после ухода в ополчение боль-

шинства революционно настроенных рабочих, так как нормы выработки нужно было выполнять, давать план, а рабочих осталось мало.

Когда начали продавать спиртное во всех лавках и тавернах, народ развеселился и перестал настороженно наблюдать за происходящим в городе. А Степану только этого и было надо. Лишь на минуту забежав повидать Шурочку, умчался в тоннель размещать груз. Вовремя появился и руководитель всей операции Анатолий Поляков. Он тоже не зря спешил в этот городок: его здесь ждала с нетерпением огромная любовь – Леночка. Не успели они встретиться и стремительно обняться после долгой разлуки, как Анатолий побежал к тоннелю, где под руководством Степана размещали в заветные тайники секретный груз. А чтобы никто из участников работ в будущем не проговорился вольно или невольно, Степан загодя приготовил заговорённую бражку, настоящую на «траве забвения» по рецепту своей матушки. Единственное, что успел сделать до выпивки Анатолий, – это составить схему размещения тайников, да Степан успел заложить в тайники каравай ржаного хлеба, испечённый его матушкой с добавлением «травы забвения», и произнести требуемое заклинание:

Закройся, клад.
Минуют сроки,
И вновь послужишь для людей:
Не пустит бдительное око,

Не отопрёт его злодей!

Ржаной каравай предназначался для задабривания духов, матушка испекла его, даже не спросив для чего, – так она доверяла своему сыну, а сам Степан помнил главный завет сохранности кладов: сам заклинатель не должен был брать из клада ни одну вещичку, какой бы малой она ни была, иначе не действовало бы заклинание. И Степан это твёрдо усвоил ещё из учения дедушки Игната.

Заклинанию Степана учил дедушка Леночки, когда они вдвоем с Анатолием приставали к нему с расспросами о самых секретных приёмах ворожбы. Не хотел дед Игнат посвящать молодых людей в таинство общения с потусторонними духами, знал, что духи бывают как добрые, так и злые, с которыми лучше не связываться. Но ведомо также было Игнату, что не простят его духи, если он свой дар кому-нибудь не передаст и прервётся связь духов с земным миром, и без того узкая и ограниченная. Вот и пришлось выбирать дедушке между Степаном и Анатолием. Анатолий считался женихом Леночки, а дедушка, оберегая внучку, не хотел её будущего мужа втягивать в общение с духами, поэтому пришлось пройти обучение Степану.

Выпили все участники, благополучно заготовленной бражки, да и разошлись весёлые и довольные дальше гулять по трактирам, а Степан и Анатолий поспешили к своим наречённым невестам. Время было хоть и смутное, но для моло-

дѣжи весѣлое – близилась пора осенних свадеб, никакие войны не могли остановить молодого задорного племени, охваченного пламенной любовью и доказанной верностью. Радясь благополучно завершившемуся мероприятию с захоронением клада, не подозревали они, что самый драгоценный клад у них уже есть – добрые и верные сердца их подруг.

6. Чёрмоз (осень—зима 1918 года)

Покрывались золотом берёзки посреди темнеющих елей в лесах, окружающих городок, на заводе шла привычная работа. Потихоньку успокаивался народ после выпитого спиртного, а молодёжь справляла свадьбы. И жизнь текла по-прежнему, словно и не шла жестокая война, не подбирались к Прикамью войска адмирала Колчака, который в результате военного переворота стал верховным правителем. Народ сразу сложил о нём нехитрую частушку:

Мундир – английский,
Погон – австрийский,
Табак – японский,
Правитель – омский.

Первым актом новый правитель издал приказ войскам о наступлении на Пермь. С самых первых дней своей власти и до конца адмирал правил как один из жесточайших в истории диктаторов. Командующим военными округами было предоставлено право по своему усмотрению объявлять в отдельных местностях осадное положение, закрывать оппозиционные газеты и выносить смертные приговоры. Никогда больше во время Гражданской войны так не свирепствовал белый террор, как при Колчаке.

Анатолий должен был срочно возвращаться в Москву, как государственный служащий, и торопился обвенчаться с Леночкой и увезти её с собой. Дед Игнат очень боялся отпустить от себя любимую внучку, но видел их взаимную любовь, помнил, как ждала Леночка этой новой встречи, знал, что он сам уже скоро не сможет защитить своё сокровище, а Анатолий вполне подходящая партия. Благословил дед молодых, обвенчались они в соборе Рождества Богородицы, что стоял на горе, свидетелями были Степан и Шурочка. А дальше без пышной свадьбы увёз Анатолий Леночку в далёкую Москву, и не предчувствовал дедушка, какая судьба ждёт его внучку и что видит он её в последний раз. Чуть больше года проживёт уральская красавица в Москве, не успеет насладиться своим семейным счастьем, не превратится в статную женщину, не понянчит своего первенца – умрёт Леночка при родах, оставит мужу сыночка на долгое воспитание и сиротливое проживание без материнской ласки.

Трудно представить, что тогда творилось с Анатолием.

– За что? – лишь мог повторять про себя покинутый муж. – Неужели мы с Леночкой чем-то прогневили Бога? Где та грань судьбы, за которой не хочется уже ничего? Сколько страданий может выдержать человек и не согнуться? Неужели это неотвратимая цена за то безграничное счастье взаимно любить друг друга? Не может быть, чтобы человек был наказан за счастье!

Анатолий чувствовал, что его жизнь, так счастливо начав-

шаяся, должна закончиться. Даже родившийся сын не мог удержать его на этой земле, думал Анатолий, собираясь добровольцем на фронт.

Сына окрестили Ильёй, крёстными были Илари́й Бельский с женой – уже немолодая бездетная пара, с которой и оставил Анатолий сынишку, уходя на фронт.

Так распорядилась судьба участником захороненияклада с применением недозволенных обращений к потусторонним силам. Всё, что успел сделать Анатолий, уходя на фронт, – это передать Бельскому карту закладки тайников, которую вывез из Чёрмоза. Подробностью эта карта не отличалась и могла быть расшифрована только при участии Степана – второго товарища, пользующегося полным доверием. Но о судьбе Степана Анатолию ничего не было известно со времени расставания, а сведения из мест, где хозяйничал Колчак, до Москвы не доходили, и не знал он, через какие испытания пришлось пройти его друзьям.

После отъезда Анатолия с женой в Москву Степан ни дня не пропускал, чтобы не встретиться с Шурочкой, прибегал к её дому и оставался рядом, даже когда сама девушка не могла уделить ему внимания – очень много времени занимали домашние хлопоты. Шурочка потеряла отца – он умер от тифа, когда она была ещё совсем маленькой, а вскоре заболела мать – кроткая набожная женщина, всю жизнь посвятившая мужу и детям. Отец один работал на заводе, а мать содержала корову и обрабатывала с детьми огород. Строго соблюдая

все посты и посещая праздничные службы, она стремилась передать детям веру в Бога, но время было беспокойное, да и сам отец не стремился соблюдать церковные законы, хотя жене не мешал. Благодаря строгому соблюдению постов в доме накапливались запасы масла и сметаны, которые могли продать и получить дополнительные деньги. Шурочка рано начала рукодельничать «на заказ» и прославилась необыкновенным умением. Вот и приходилось девушке всюду успевать, хорошо ещё, что младший братишка подрос и в свои неполные шестнадцать лет уже пошёл работать на завод. Весёлым вырос Ванечка: любил песни петь и танцевать, даже уходя успевал на крылечке что-то пропеть и отбить чечётку, прежде чем направиться на нелёгкую однообразную, изнуряющую работу в горячем цеху.

Но не радовались родители Степана, зажиточные купцы, выбору сына, всячески препятствовали общению, стремились побыстрее сосватать и женить его на богатой невесте. Ну да не тут-то было: упрямый и своевольный сын у них родился, не хотел он слушать родителей и оставлять свою любовь, несмотря на запрет, приходил он к Шурочке.

Вместе шли они к дедушке Леночки, который тосковал о внучке и тревожился о её судьбе. Чувствовал Игнат, что не просто так приехали молодые люди в этот городок, что не зря сустились возле тоннеля. Догадывался знахарь, что Степан использовал полученные от него знания для общения с тёмными силами и что замешан в этом Анатолий, муж Леночки.

Вряд ли пройдёт бесследно обращение к силам, много лет дремавшим в болотистых низинах.

А к городу с боями подступали войска Колчака. Все, кто поддерживал новую власть рабочих, стремились отступить вместе с Красной армией, а Степан был оставлен для дальнейшей связи, но должен был затаиться в подполье.

Наполненное тревогой сердце дед Игнат мог успокоить только обратясь к Богу, и он пошёл в храм Рождества Богородицы, расположенный на горе поселения с древних времён. Давно он не посещал богослужение, да и не чувствовал необходимость в священниках, принимая их не как посредников для общения с Богом, а как людей, которые, как и он сам, владеют некоторой тайной. Поэтому, войдя в храм, он не обратился к батюшке, а подошёл к иконе Николая Чудотворца и начал молиться. Но и молитва его не была по молитвеннику, из глубины души рождалось обращение к святому:

– Святой Николай, заступись перед Господом нашим за души чистые Елены и Анатолия, перенеси на меня их невольный грех, защити от невзгод и гонений. Аминь.

Кротко преклонив колени, стоял дед Игнат перед иконой Николая Чудотворца и верил в непреходящую мудрость его.

Лишь бы сами молодожёны не сопротивлялись Воле Божьей, лишь бы посетили святой храм и попросили прощения за все грехи вольные и невольные, но творящаяся в мире суета не давала деду Игнату надежды на лучшее. Проще всего

спасали свои души католики – не молитвами, а индульгенциями – папскими грамотами «об отпущении грехов». Если бы всё было так просто (дедушка подозревал, для чего использовали Степан с Анатолием древние заклинания и смог бы открыть сокровища и откупиться)! Но в православии так не делается. Надо было спасать молодых влюблённых, что были рядом, и он занялся организацией подполья для Степана.

На западной окраине городка жила одинокая бабушка, которая часто пользовалась знахарством деда Игната. К ней-то и направил он Степана, но строго-настрого запретил говорить о том Шурочке. Как ни упрашивала потом Шурочка деда, как ни скучала по любимому, не рассказал ей, где прячется юноша. Не знали о том и родители Степана.

Но не выдержал разлуки с любимой Степан и поздним вечером пробрался к дому Шурочки. Снова встретились влюблённые и не могли наглядеться друг на друга, возникшая опасность особенно обострила их чувства, духовная близость, ощущение постоянного незримого присутствия друг друга наполняла их болью и счастьем. Признался Степан Шурочке, где скрывается, раскрыл не свою – партийную тайну. А Шурочка не могла оставаться дома, когда наступали сумерки. Она бежала на край селения, чтобы ещё раз увидеться с любимым, заглянуть в его глаза. И что ещё можно было делать под приглядом старушки, как играть в карты и тихонечко переговариваться? Так и проводили они долгие зимние вечера.

Но не могло так продолжаться долго, колчаковцы хватали людей по малейшей провинности и, избивая и издеваясь, выпытывали различные сведения о происходивших в Чёрмозе событиях в начале осени. Но никто ничего существенного вспомнить и рассказать не мог; поступали какие-то отрывочные воспоминания от сторонников белого движения, но представить ясную картину событий командующий военным отрядом не мог и очень нервничал по этому поводу.

Сжималось сердце от страха за дочь и у набожной матушки Шурочки: боялась она и божьего наказания за связь с юношей вне брака, но в то же время верила в девичью честность девушки. И сами молодые люди откладывали назревающую близость до лучшего времени, до окончания оккупационного кошмара. Верили, что наступят мирные времена и они обязательно обвенчаются.

Тревожные тучи всё ближе подступали к конспиративному домику, и Степан решил поздним вечером покинуть убежище и, одевшись потеплее, направился в сторону дальней деревни за болотом. И надо же такому случиться, что по той же дороге в город возвращался младший брат Шурочки – Ваня.

– Привет, Стёпа, – обрадовался встрече Ваня. – Как же ты пройдёшь по этой дороге, ведь при выходе из леса белые поставили кордон и проверяют пропуска?

– Что же мне делать? Обратно возвращаться? Но в городе облава. Слушай, Ваня, дай мне твой пропуск, ты уже скоро

дойдёшь до дома, пока не наступит комендантский час.

– Возьми, – сказал Ванечка – безгрешная душа. – Шуре передать что-нибудь?

– Пусть ждёт.

– А если тебя поймают?

– Не бойся – пропуск я уничтожу, а сам им в руки живым не дам, не будут они меня бить и унижать.

Так и разошлись в разные стороны.

7. Арест

Тревога, поселившаяся в сердце Шурочки, не отпускала в течение следующего дня. На дворе стоял трескучий мороз, дым из труб поднимался вертикально и растворялся в неопиcуемой выси. Занятая по хозяйству, растапливая печь, замешивая тесто, Шурочка не переставая думала о Степане: где он скрывается, тепло ли ему, нашёл ли он пристанище, – и шептала непрерывающуюся молитву за него. Короткий день клонился к вечеру, и за окнами стелилось только бесконечное снежное пространство. Но не могла молитва любимой повернуть назад судьбу, которая уже начала свертываться, которая начала раскручиваться в тот момент, когда было произнесено заклинание над замурованным кладом – все, хоть как-то прикоснувшиеся к тайне, должны были умереть, чтобы «дух клада» успокоился на долгие годы.
Воспоминания А. М. Нестеровой, написанные собственноручно 2 октября 1961 года.

Хочу написать о себе. Родилась я в 1899 году в посёлке Чёрмозе Пермской губернии, Соликамского уезда. Когда мне исполнилось три года, на нашу семью обрушилось большое горе – умер у нас отец от брюшного тифа, осталось нас пять человек детей и мама шестая. Старшему брату Дмитрию было десять лет, а младшему Ване – шесть месяцев.

Раньше не было государственной помощи, и нам дали пенсию пять рублей. Мы жили очень бедно, у нас была корова и мама соблюдала посты и, воспользовавшись этим, подкапливала масло, чтобы продавать богатым, и на эти деньги покупала нам самую дешёвую одежду и обувь. Старший брат Дмитрий одиннадцати лет пошёл на завод работать. Работа была непосильно тяжёлая, но он работал по двенадцать часов и приносил получку маме – три рубля в месяц. Второй брат Пётр учился, закончил три класса и тоже пошёл работать – ему исполнилось двенадцать лет. Потом и третий брат Павел, закончив в школе три класса, поступил работать на завод. Так и работали все трое, но зарабатывали очень мало, и жизнь была тяжёлая. Я училась один год, мне надо было дома прясть куделю, а мама ткала холст, шила нам всем холщовое бельё, а младшему брату Ване шила шубку, штаны – всё из холста, покрашенного чёрной краской, и он в этом ходил в школу. Учился он пять годов, а когда окончил школу, у нас старших двух братьев уже не было дома – они были взяты в солдаты в царскую армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.